

УДК 1:316
ББК 60.027

ЭКОЛОГИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ПОИСКИ И СТРАТЕГИИ НОВЫХ ПАРАДИГМ

Э.В. Баркова

Содержательные результаты коммуникативной деятельности и сетей коммуникаций представляют угрозу для бытия современного человека и культуры, их высших ценностей. Экология коммуникаций, центрированная обновленной в контексте холизма и гуманистических традиций космологии философией межкультурных коммуникаций, рассматривается как условие сохранения ноосферы и альтернативная модель глобализации. В ней сохраняется не снимаемый статус Истины, Добра и Красоты и утверждается мировидение, в соответствии с которым ноосфера получает импульс развития на основе не только науки, но и всей мировой классической Культуры как органической целостности.

Ключевые слова: экология, картина мира, межкультурные коммуникации, ноосфера, глобализация, Ренессанс XXI века, органическая целостность культуры, гуманизм.

Одной из самых важных проблем современного мира является все большая утрата пространством коммуникаций ориентиров на Истину, Добро и Красоту как высшие ценности и цели человека. Наступление нового осевого времени, о котором говорил С.Э. Крапивенский, требует напряженного и быстрого перехода к новым парадигмам социально-гуманитарного знания, сохраняющим эти ценности бытия и культуры.

«Дворник убирает не двор, он облагораживает кусочек планеты, которая называется Земля». Эти слова, недавно услышанные от литовского художника Дарюса Тамкявичуса – президента Литовской ассоциации «Мир через Культуру», – форма своеобразного протеста против этой утраты. По-видимому, сегодня не случайно спонтанно возникают формулы, общественные движения, научные концепции и сообщества, смыслы которых направлены на изменение современной картины мира, восстанавливающей мир Человека и, шире, *ноосферу в целом с точки зрения*

социальной экологии. Главным здесь оказываются не изменения как «инновации вообще», а сохранение, как в этих словах о дворнике, истинно разумного, доброго и прекрасного начала мира, человека и великой человеческой Культуры, способной преодолеть цинично-игровые подходы, получившие исключительно широкое распространение в мире современных коммуникаций.

Действительно, к определениям нашей эпохи как «постиндустриальной», «информационной», «века глобализации» с уверенностью можно добавить еще одно – век коммуникаций. Сегодня все социокультурное пространство современного мира представлено сложно организованной сетью коммуникаций, в которой одновременно происходит многонаправленное и разномасштабное развитие, распространение и воспроизводство сложной системы каналов коммуникаций. Однако обоснованная оценка *содержания* изменений в мире, включая мир человека и культуры, ставших результатами этих глобально-коммуникативных процессов, еще не дана.

Такой оценки и анализа этой ситуации не найти и в системе современного социально-гуманитарного и, в частности, культурологического знания. Трудно посчитать, между тем,

сколько только за последние два десятилетия написано работ о социальных и культурных коммуникациях, их технологиях, культуре и управлении в этой сфере, сколько прошло со встречаний разного уровня и издано учебников, пособий, монографий, сколько получено грантов. Но что же явилось результатом этой работы? То, что происходит сегодня с миром, страной и нашей великой культурой, и это не может не вызывать чувство тревоги, так как процесс необратимых деформаций кажется предрасположенным и не допускающим альтернатив.

Более того, становится все более ясным, что изменения экологической ситуации, природные процессы и катаклизмы последнего времени с их катастрофическими следствиями для тысяч людей в России и во всем мире связаны и прямо, и опосредованно со сбоями и *содержательными* трансформациями в системе коммуникаций «человек – природа». Не трудно предположить, что, подобно эху в горах, вызывающему сход лавин, эти ответы природы обусловлены антропогенными загрязнениями – результатами специфически человеческих форм деятельности, иначе говоря, согласно хрестоматийному определению, результатами культуры. Эта ситуация – основание для констатации не просто факта глобальной разбалансировки ноосферы и планетарного социума, возникшего из-за несоответствия коммуникативной культуры масштабу задач, вставших перед Россией и человечеством, и не только констатации мусора, который, по верному наблюдению Н.О. Осиповой, стал доминантой, обладающей онтологическим статусом в образе и модели современной культуры [6]. Сегодня, когда уже очевиден дефицит времени на решение этой проблемы, необходима разработка адекватной началу XXI в. фундаментальной теории управления всеми типами коммуникаций и классически научный, объективный, а не игровой анализ *содержания* современных информационных каналов. Для этого требуется гуманизировать все коммуникативные процессы. Создание такой теории и вытекающей из нее культурно-регулятивной «матрицы» необходимо для того, чтобы быстро, точно, согласованно принять решения, осознав эту работу как сознательную деятельность человека на установление на Земле новых норм жизни.

Все это требует постановки вопроса о принципиально новом качестве, исследовании и месте в обществе *экологии коммуникаций*. Сегодня становится все яснее, что «если человечество задумывается о будущем, то это будущее не может быть продолжением прошлого или настоящего. Попытки построить третье тысячелетие на прежних основаниях будут обречены на неудачу. А ценой неудачи, то есть альтернативой изменившемуся обществу, является пустота» [9, с. 613–614].

Создание системы экологии коммуникаций, поскольку они универсальны в культурном пространстве, во-первых, делает традиционно-гуманистически понятую культуру основой объективно-научной экспертизы, оценки меры человеческого во всех системах и сетях коммуникаций. А во-вторых, вводит в содержание ноосферы не только разум и науку, но культуру в целом. Именно истинно-культурно-разумное основание гуманизации коммуникативного пространства сегодня может стать условием реального перехода, но не к пост- или наночеловеческому состоянию, а к культурному, или геокультурному, типу отношения к природе, космосу, человеку, то есть условием перехода к развитию на основе логики ноосферы. Опережая культурологов и обществоведов, математики уже начали исследования в этом направлении, поняв, что «если XIX век с его переделом мира можно назвать веком *геополитики*, XX – веком *геоэкономики*, то XXI столетию, вероятно, предстоит стать веком *геокультуры*» (курсив наш. – Авт.) [2, с. 3]. Специалисты в области информатики, а не ученые-гуманитарии, предлагают «пересмотреть существующее положение информатики в системе науки и в дальнейшем квалифицировать ее как самостоятельную отрасль научного знания, которая имеет как естественно-научное, так и *гуманитарное значение*» (курсив наш. – Э. Б.) [3, с. 30].

Но это невозможно *без новой культуры и новой гуманистической философии*, в центре которой не проблемы инновационных информационных технологий и необходимой инфраструктуры – это лишь важные средства, инструменты, а *соответствие* всех типов коммуникаций главной цели – сохранению самой возможности разумной человеческой жизни на Земле и перспективам развития

Культуры, космоизации человеческой деятельности, ноосферы. Эта цель актуализирует пересмотр содержания и статуса всех видов коммуникаций, включая смысл исследований коммуникаций между современной гуманитарной наукой и жизнью, культурой и жизнью и выдвижение в *центр новой философии – философии межкультурных коммуникаций* как основы экологии культуры.

Такая постановка проблемы межкультурных коммуникаций требует и возвращения к рефлексии исходного понятия – культуры. Вероятно, ближайшим образом эта логика восходит к традициям Ренессанса: интуитивно-художественной картине мира Марсилио Фичино с его пониманием Культуры как высшего синтеза образа-понятия-ценности – идеала, а не отвлеченного понятия, и к художественно-научно-философскому универсуму Леонардо да Винчи.

Главное здесь – не деятельность вообще, не ценности, способность к созданию символических структур, знаков или смыслов вообще, а такая деятельность Человека, которая задает ориентиры на открытие и освоение высокого истинного-добраго-прекрасного в самом Бытии, включая бытие человека и человечества. Это Культура, понятая и как Свет, как Маяк, ведущая человека к Встрече с миром природы, культуры и потому со своей собственной судьбой, в которой проявляется лучшее, что заложено в человеке. В такой культуре отражается органическая целостность, всеобщность-тотальность как закон Бытия с его содержательностью того первого Слова, которое «в начале было» – пра-образа, пра-понятия и пра-идеала всех культур. Вообще говоря, именно так, на основе холизма, Культура веками и понималась в классических русских, восточных и европейских традициях. Она всегда мудро исходила из объективного статуса *органически целостной гармонии Духа-Материи*, из красоты и правды Большого мира, из единства Неба и Земли – как бы она ни называлась в разные эпохи у разных народов. Она исходила из объективной гармонии Космоса, Природы, которая отражается в микрокосме – мире человека, космосе его души и его *человечной* деятельности. Классика в культуре – искусстве, науке, в человеческом общении, в любых про-

явлениях деятельности – это и есть голос Целостности мира с его органичностью связей-коммуникаций вечного и временного, бесконечного и конечного, макрокосма и микрокосма, проявленной во всем, что создано человеком, но зажженной духом, умом, чувством, мудрой душой человека. Эта модель мира и есть ноосфера, выявленная на основе Культуры.

Однако сегодня органическая целостность ноосферы часто искажается в технологиях, образах и идеях мира коммуникаций с его игровой комбинаторикой и обезличенно-информационно-обменными процессами, в которых форма сняла содержание, внешнее целиком заменило внутреннее, глубокое, человечески-важное. Наглядной моделью такой подмены содержания понятий «культура» и «межкультурные коммуникации» могут служить аукционы современного искусства, на которых продаются произведения современного искусства высшей ценовой категории. Здесь культура – контекстное значение не оставляет сомнений – это все, что исходит от любого человека или от любой «состоятельной» группы и ее потребностей в коммуникациях. А потому, естественно, здесь абсолютно *снят вопрос об объективных критериях оценки деятельности, общения, как и ценности произведений искусства*. Характерно суждение Д. Томпсона в книге «Как продать за 12 миллионов долларов чучело акулы»: «Я сам, как экономист и коллекционер современного искусства, долго пытался понять, что именно делает данное произведение искусства ценным и какая алхимия заставляет продавать его за 12 миллионов долларов или за 100 миллионов долларов вместо, скажем, 250 тысяч долларов. Иногда работы продаются за суммы, которые в сотни раз превышают то, что представляется разумным... Дилеры и специалисты аукционных домов... публично говорят, что цена может быть любой... а в частной беседе добавляют, что покупка предметов искусства из высшей ценовой категории часто представляет собой азартную игру» [8, с. 13].

Симптоматичен в этом контексте и растущий интерес к асемическому письму – одному из новых направлений в современном искусстве, первая выставка которого в России прошла в Смоленске. Она сопровождалась презентацией антологии визуальной поэзии

«The last vispo», организованной литературно-философским журналом «Слова». Напомним, что понятие асемии взято из лексики психопатологии и означает неспособность понимать любые символы и знаки.

Заметим, что в конце XX в., как в обыденной языковой практике, так и в науке произошло смешение двух разных типов межчеловеческих связей и взаимоотношений – безличного информационного обмена и человеческого приобщения к внутреннему миру другого человека, его чувствам и мыслям. Интересно и показательно, что в последнем Философском словаре статья «Коммуникация» состоит из двух частей, написанных двумя авторами – Г.И. Рузавиным и Э.Ю. Соловьевым. У этих частей – два несоизмеримых языка, за которыми два стиля мышления, две логики. В одной из них коммуникация трактуется в аспекте информационных взаимодействий между объектами, в которых, как известно, различают источник информации, передатчик, преобразующий сообщение в сигналы, канал связи, приемник информации и адресат. В другом – экзистенциально-ценностном – коммуникация выступает как философское понятие, обозначающее человеческое общение, при помощи которого «Я» обнаруживает себя в другом (см.: [4, с. 303–304]).

Подчеркну здесь характерную для нашей науки рядоположенность этих статей: есть одно *И* есть другое. Но есть же и реальная *связь* между ними, и как она, согласно логике и мироотношению фундаментально-нормативного издания, должна пониматься? Не здесь ли кроется главный вопрос, и не следствием ли этой логики является реальная ситуация, при которой технологически понятия коммуникации уже сняли – по крайней мере в больших городах всего мира – ценность живого культурного общения, как и всех институтов, которые его традиционно обеспечивали? А развитие этой логики – использование всех доступных информационных каналов для утверждения отсутствия альтернатив в современном мире и реликтовом характере субъектов, отстаивающих свое право на иное общение и иной мир культуры. Их место лишь в пространстве прошлого. Но кто это доказал?

Напомним, однако, что еще в 80-е гг. М.С. Каган, автор известной работы «Мир об-

щения», прямо говорил о необходимости различать два типа связей человека с человеком и «развести смысл терминов “коммуникация” и “общение”» [1, с. 4]. Думается, что и сегодня такое разведение этих принципиально разных типов взаимодействий и в общественном массовом сознании, и в науке, и в сознании всех, занятых в сфере управления культурой, позволило бы избежать многих управленческих решений, сделанных на основе лишь первого – технико-технологического, информационно-детерминистского типа. Этот тип, получивший сегодня самое широкое распространение, не учитывает только такие «детали», как правда и ложь, разумность и абсурд, справедливость и насилие, «размывая» связи между всем подлинным и подделкой, высоким и низким, знанием, профессионализмом и их имитацией.

Безусловно, сегодня в мировой социально-коммуникативной системе преобладают технико-технологические типы коммуникаций, прежде всего финансовых, поскольку соответствия мировых глобальных и региональных стандартов на их основе устанавливаются наиболее очевидно и быстро. Однако столь же ясно и другое: сложившаяся и в современной России, и во всем западном мире практика не выдерживает критики. Более того, она оказывается разрушительной для всех, кто реально живет в человечески-жизненном пространстве-времени культуры, в мире ее высоких ценностей. Но особенно деструктивна она для сохранения и развития природы классики, нравственного и эстетического опыта, свободы и творчества. Драматично это отражается и на судьбе высоких образцов народных культур и состоянии промыслов практически всех народов, особенно малых, которые, как особые социокультурные организмы, существуют в своем более замкнутом, автономно-неспешном внутреннем времени и пространстве.

Такие тенденции возникают потому, что сети коммуникаций сегодня структурируют и определяют все культурное пространство как *чисто информационную систему*, поскольку их направленность, прежде всего, связана с поисками оснований ее максимальной устойчивости *безотносительно к содержанию*, сохранению или разрушению меры человеческого в культуре и человеке. Такое структурирование происходит как бы стихий-

но, и создается впечатление, что в нем демократично распределяются различные информационные потоки со своими каналами сообщений и изначально равными статусами. То, что практически по всем ведущим российским телеканалам, кроме «Культуры», воспроизводится содержание лишь одного взгляда на мир – взгляда человека массовой культуры с его «структурами повседневности» – остается при этом «за кадром».

И это понятно: когда межкультурные коммуникации обезличены, то, во-первых, отправители и получатели без труда получают в этом пространстве принципиально разный статус, а во-вторых, в тени остается то, *как* именно средства коммуникации, особенно телевидение и реклама, воздействуют на *содержание* социальных трансформаций, культурных ценностей и потребностей через жесткий отбор и структурирование-распределение информации. А поскольку такое информационно-коммуникативное структурирование всего жизненно-культурного пространства в действительности оказывается системным процессом, то его основным средством являются овеществленные проводники информации, делающие сообщения *анонимными, разрушая живые непосредственные контакты* между отправителями и получателями. В философии и культуре XX в. многократно было описано и исследовано такое безличное и безликое общество. Достаточно вспомнить, например, известную мысль М. Хайдеггера о том, что мы думаем так, как думают другие, испытываем такую же тревогу или так же улыбаемся, как улыбаются другие. Но коммуникации в этом смысле потому и являются проявлением информационно-технологического пространства, что *направлены не на сближение людей, а на потребности общественной системы, организованной по принципам технологий*. В силу этого не только растет объем передаваемой и проходящей через каждого из нас информации с невероятным даже для второй половины XX в. ускорением, но и многократно ускоряется жизнь общества. Ускорение культурного времени проявляется в том, что человек не успевает глубоко осваивать предметный мир настоящего: с его игрушками, которые когда-то передавались от мамы и бабушки, свадебны-

ми нарядами, пластинками, патефонами, магнитофонами – все это быстро сменяется новой модой и радикально новым предметным миром, превращая мир традиций в мгновенно забываемый архив, чтобы не сказать – в кладовку-склад ненужных вещей. Нарушенными, таким образом, оказались межкультурные коммуникации поколений, без которых общество как органическая целостность, как живая Вселенная, а не механическая, а потому легко управляемая целостность, «рассыпается». А каковы альтернативные пути развития? Разве не существует иных и более разумных моделей, например в странах Азии, прежде всего в Китае, Латинской Америке, Африке?

Тем более парадоксально, что с той же непреложностью, с какой весной сквозь толщу замерзшей и, кажется, каменно-ледяной земли пробивается хрупкий живой росток травинки, и в этих условиях в жизни современного общества и даже в больших городах сохраняется *общение* как форма живых непосредственных контактов между людьми, народами, регионами, континентами. Более того, не только сохраняются его традиционные формы общения, но получают развитие новые, в которых информационные технологии активно работают как средства передачи содержания и являются лишь вспомогательными. Главное же здесь – сами люди, их Бытие, а не механическое существование, большое дыхание Культуры, ее идеи и образы, которые рождаются в живом взаимодействии-полилоге, в формах дружески искренних и самоценных контактов. Но этот эколого-культурный, а не внешний, не поверхностный тип человеческих контактов как особая форма межкультурных коммуникаций, противостоящая циничному безразличию к содержанию жизни, сегодня должен получить и свое обоснование в системе философско-культурологических представлений и философии межкультурных коммуникаций.

Вот почему, подчеркнем еще раз, приоритет культуры в жизни общества должен быть неоспорим. Именно *культура* как наиболее глубинная и универсальная форма бытия народов должна сегодня *формировать каналы всех социальных коммуникаций, задавать установку и общий человеческий уровень*, без чего процесс мировой интеграции и характер связей-коммуникаций между стра-

нами и народами будет и дальше становиться еще более опасным для человека и его полноценного бытия.

А это значит, что именно *межкультурные* коммуникации во всем многообразии их форм действительно должны стать *новой основой объединения* всех людей на основе взаимного доверия и нравственности. Но речь идет о людях, созидательно работающих, а не имитирующих деятельность, то есть обо всех создающих подлинное, истинное, прекрасное, а не «раскручивающих» опасные для человека и человечества проекты, будь то «повороты рек», распространение бактериологического оружия или производство опасных игр. Таких людей-созидателей, а не имитаторов М.А. Лифшиц назвал производителем населения. Границы сообщества «производительного населения» широки, но не размыты, они включают в себя тех, кто занят как в сфере материальной культуры, в сфере производства, так и в широком смысле как школу всех ученых, художников, философов. Рамки этой школы «достаточно широки – она охватывает все *производительное население* Советского Союза, включая сюда и людей духовного труда» [5, с. 61]. Соединение всего многообразия «производительного населения», то есть способного к творчески-созидательной деятельности в самом широком смысле слова, создание условий для их встреч и строительства культурных мостов и есть *цель экологии межкультурных коммуникаций*. В них люди не просто проявляют свою активность, направленную на адаптацию к наличным условиям, но способность к жизнотворчеству, к саморазвитию как движению к миру Культуры, к обществу.

Важно подчеркнуть здесь и то, что ценность человеческого общения как вида межкультурных коммуникаций определяется важным критерием: тем, что оно вводит во все поры-структуры общества не любое содержание, а содержание, идущее от разумно-созидательной культуры, формируя тем самым новое качество целостности ноосферы, всего современного мира и его стандартов. Иначе говоря, в пространстве межкультурных коммуникаций задается ведущее направление ценностно-гуманистического освоения современности и движения к будущему не как к монополярно организованному миру, а как к

совместному «строительству» разнообразных культурных миров и мостов между ними. В этом смысле общение *выводит* каждого субъекта культуры, будь то человек, народ, нация, регион, человечество, за границы своей культуры и ставит перед необходимостью соотношения себя с ценностями других людей, с содержанием мировых процессов, без чего непосредственный контакт с представителями другой культуры оказывается внешне поверхностным или вообще невозможным.

Интерес к межкультурному общению, внутреннее тяготение людей и культур друг к другу вызывают не абстрактное любопытство и желание получить новую информацию или заявить о себе, но стремление к взаимному признанию, а это иная основа адаптации локальных миров к требованиям международного сообщества. Такой тип связи вовсе не отменяет их культурной уникальности: она лишь оказывается тем особым зеркалом, глядя в которое любая культура способна и даже оказывается перед необходимостью проявить свою самобытность, выявив свой человечески-творческий потенциал. Таким способом, *через межкультурные коммуникации открывается глубина, содержательность ценностей* и место каждой культуры в органической целостности современного мира.

Подчеркнем, что только так формируются культурные предпосылки того качества ноосферы, которое не просто связывает человека, современное общество и природу в органическое единство, но в результате чего происходит единение многообразия народов и локальных культур *в культурную целостность человечества*. Именно в этом заключена возможность наступления новой геокультурной эпохи. Инновационные формы межкультурного общения в ней многообразны, и они выражаются не только в *результатах* общения в виде бьеннале, арт-туризма, этнофестивалей, этноспорта, новых форм гастролей, разного рода молодежных обменов, но и в творчески-конструктивных *подходах и работе со своими культурными традициями*. Накопленный в последние годы опыт важен как поиск инновационных путей формирования ноосферы, решения глобальных коммуникативных проблем и практического преодоления обезличенности информационно-детерминистски понятых межкультурных коммуникаций.

В последние годы этот поиск не случайно «пробуждает» людей, движения мысли и деятельности общественных ассоциаций, которые ставят перед собой разные конкретные цели, но смысл общения в которых направлен на создание культурно-инновационных проектов, *углубляющих* межкультурное общение как условие для сохранения и очищения культурного пространства. Спонтанно и бессознательно, но этот процесс идет. По-видимому, в нем проявляется протест, несогласие с официальной инструментально понятой философией и практикой межкультурных коммуникаций, которая не возвышает человека, а опускает его до простейших форм адаптации к существующим условиям жизни. Примером такого инновационного проекта, соединившего практику такого межкультурного общения с поиском новой концепции и новой философии межкультурных коммуникаций, является Международное движение за утверждение Всемирного дня культуры.

Участники этого Движения – очень разные, не только представители интеллигенции, люди из 14 стран мира. Спонтанно, ибо у каждого свои творческие задачи и дела, но энергично они творят новую структуру, ставшую своеобразной творческой лабораторией. В ней изначально складываются межкультурные коммуникации, отвечающие эколого-коммуникативным критериям и стратегиям. На их основе сегодня идет работа, формируется ряд авторских программ и инновационно-культурных проектов, особенностью которых является выработка новых *образов и идей, вырастающих из живой практики* защиты дела культуры. Это организация встреч, выставочные и исследовательские программы, проекты анимации памятников, опыт нового осмысления проблемы игрушки в контексте экологии детства и др. Сегодня, насколько я могу судить, Движение, завершая определенный путь своего развития, находится в ситуации перехода от стихийно-эмпирического этапа своего формирования к более высокому – концептуально-мировоззренческому. Поэтому проведенный в апреле 2010 г. круглый стол «Приоритет Культуры в жизни общества» стал необходимым опытом такой коллективной мысли-деятельности. Тем самым этот инновационный проект-лаборатория становится

способом активизации эколого-культурных ценностей в практике межкультурного общения. Этот конкретный проект является характерной приметой нашего времени как опыт практического переноса философии межкультурного общения в содержательные характеристики жизни его участников, в общую деятельность, в жизнь и обратно.

Именно в качестве проекта это Движение является опытом и программированием тех реальных позиций, которые возникают в общении. Поэтому его в известной степени можно уже считать опытом создания не просто инновационного направления в межкультурных коммуникациях – сегодня, повторим, их немало, но особого культурного моста в будущее, открывающего и прокладывающего пути развития высокочеловечного содержания самих культур через судьбы и дела конкретных людей. Вот почему мне думается, что опыт таких ассоциаций, получающих сегодня развитие на основе межкультурных коммуникаций эколого-культурного типа, может быть востребован и *интересен для структур, профессионально занимающихся разработкой современной культурной политики.*

Перспективность сотрудничества и социального партнерства Международного движения с государственными и негосударственными организациями тоже форма межкультурных коммуникаций, правда, на практике пока практически не проявленная. Однако она и сама может стать инновационным проектом, поскольку эта потребность идет не от инноваций ради инноваций, а от понимания реальности перехода возможности таких культурных коммуникаций в действительность, в мир, где живем мы, растут дети, где еще есть место ликованию, искренности, дружбе, любви. Такая практика важна как опыт и взаимное приглашение общества и государства к новым концепциям и проектам.

Сказанное свидетельствует о том, что стихийно идет обновление коммуникативного пространства на основе приоритетов гуманистически понятых межкультурных коммуникаций – тенденция, не замечаемая современной коммуникативистикой. Мир Культуры, защищая себя, в действительности создает формы мысли-деятельности и организаций, соответствующие ноосфере. Следуя

мысли В.И. Вернадского, формируются новые условия и формы укорененности человечества в Бытии, придающие уверенность в человеческом будущем.

Напомним, что известная статья «Несколько слов о ноосфере», законченная в 1944 г., была написана в годы Великой Отечественной войны. Как ученый-естествоиспытатель и философ-гуманист, В.И. Вернадский не сочинял абстрактный проект – ответ на легко угадываемый социальный заказ, а убедительно вскрывал логику развития объективного мира и аргументированно доказывал, почему есть реальные основания надежды, почему важна твердая вера в победу, в которой должен проявиться объективный закон жизни, и потому выражал абсолютную уверенность в неизбежности победы над фашизмом. «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [7, с. 220].

Поэтому исследование мировоззрения экологии межкультурных коммуникаций, открывающей логику ноосферы, означает утверждение в живой Вселенной мира Человека и Культуры не снимаемого идеала истины-добра-красоты, позиций нравственной ответственности, жизнотворчества и социального партнерства, усиление человекоразмерного вектора творчества и всех инноваций. А ноосферное – на основе приоритета культуры – содержание всех коммуникаций, информационных систем и сетей может «переломить» сложившуюся ситуацию и усилить гуманистическое целеполагание во всех коммуникативных стратегиях современного общества. Ноосфера, таким образом, задает будущее на основе не только Разума, но и Человечности, Культуры как целостности.

Таким образом, экология межкультурных коммуникаций открывает свой смысл и назначение как мировоззренческая основа Ренес-

санса XXI в., возрождающего идеи человека как микрокосма, антропоцентризма, великого просвещения и философии космизма на основе качественно нового синтеза современных наук и высших достижений культуры. Тем самым она становится и основой новой геокультурной картины мира и культурного пространства-времени. Но главное здесь – не информационная плотность, не количество мегабайт, а гуманистически-содержательные, качественные характеристики человеческого общения, в которых открывается пространство доверия, взаимной поддержки, центрирующее содержание всех каналов и сетей современных коммуникаций.

Дворник убирает не двор, а кусочек планеты Земля, а культуролог?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1988. – 321 с.
2. Когнитивный вызов и информационные технологии / Г. Г. Малинецкий, С. К. Маненков, Н. А. Митин, В. В. Шишов. – М. : Ин-т приклад. математики им. М.В. Келдыша, 2010. – 36 с.
3. Колин, К. К. Философии информации и фундаментальные проблемы современной информатики / К. К. Колин // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2010. – № 1. – С. 29–35.
4. Коммуникация // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Республика : Современник, 2009. – 845 с.
5. Лифшиц, М. А. Либерализм и демократия / М. А. Лифшиц // Лифшиц М. А. Искусство и современный мир. – М. : Искусство. XXI век, 1973. – 336 с.
6. Осипова, Н. О. Мусор как метафора современной культуры: от Авгиевых конюшен к медийному спаму / Н. О. Осипова // Культура глобального информационного общества: противоречия развития. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. – С. 395–409.
7. Прометей : ист.-биограф. альманах. – Т. 15: В.И. Вернадский. Материалы к биографии. – М. : Мол. гвардия, 1988. – 352 с. – (Сер. «ЖЗЛ»).
8. Томпсон, Д. Как продать за 12 миллионов чучело акулы. Скандальная правда о современном искусстве и аукционных домах / Д. Томпсон. – М. : Центрполиграф, 2009. – 351 с.
9. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М. : Независимая газета, 2004. – 632 с.

**INTERCULTURAL COMMUNICATIONS ECOLOGY:
SEARCHES AND STRATEGIES OF NEW PARADIGMS**

E.V. Barkova

Substantial results of communicative activities and communication nets threaten contemporary human existence and culture, their highest values. Communications ecology centralized by intercultural communications philosophy renovated in the context of holism and humanistic traditions of cosmism is considered a condition for noosphere preservation and an alternative model of globalization. It preserves an eternal status of Truth, Kindness and Beauty and strengthens the world outlook in accordance with which noosphere gets an impulse for development on the basis of not only science but also the whole world classical Culture as organic integrity.

Key words: *ecology, world view, intercultural communications, noosphere, globalization, the Renaissance of XXI c., culture organic integrity, humanism.*